

ЩЕДРОСТЬ ТАЛАНТА

Ставропольская правда
г. Ставрополь

28 МАЯ 1964

ЭТОГО человека я знаю десять лет. Десять лет встречаюсь с его героями, с теми, кому дал сценическую жизнь в Ставропольском краевом драматическом театре народный артист республики Михаил Кузнецов. И всякий раз, когда гаснет свет и раздвигается занавес, в зале нетерпеливое ожидание чего-то удивительного, радостного и прекрасного. За все годы актер не обманул этого ожидания. Были роли более и менее удачные, характеры более и менее крупные (это зависит, разумеется, не только от актера, но и от драматургического материала), — но всегда это были встречи с настоящим искусством.

Знаю, как скромно и неприхотливо этот человек в быту, как равнодушен порой к собственным интересам, как охотно помогает каждому, кто в этом нуждается, как сурово требователен к себе и подчас к другим. Болезненно реагирует он на ложь и подлость, беззаветно влюблен в театр, ненавидит дельцов от искусства, холодных ремесленников. Всегда — в эпизоде и в большой роли — он работает с полной отдачей и приходит за два часа до спектакля, пусть сегодня пробывать ему на сцене всего пятнадцать минут...

Всякий раз актер ищет новые черты, новые средства проникновения во внутренний мир своего героя, новые краски для раскрытия этого мира. Может быть, поэтому образам, созданным Михаилом Прокопьевичем, свойственны полная непохожесть, отсутствие не только штампов, но и изблюбленных приемов. Удивительна щедрость, с какой расходует он свой талант, свои силы, всего себя.

Сложный и таинственный процесс рождения образа у Кузнецова начинается по-разному: иногда с карандашного наброска, с детали, иногда с биографии, с прототипа, увиденного в жизни. Но потом непременно следуют многочасовые и многодневные раздумья над пьесой, над «зерном» характера.

Раскрывая душевную красоту или обличая человеческие пороки, актер не нарушает внутренней психологической жизни образа, показывая в органическом сплыве многообразие ее проявления и, все-таки, как бы курсивом подчеркивая главное — то, ради чего играется роль, ради чего создается характер. В этом особенность кузнецовских образов, так же как и в стремлении актера выявить и раскрыть в человеке доброе начало даже тогда, когда это лишь угадывается и лежит глубоко внутри...

Был в спектакле «Чти отца своего» некий Капитон Егорович — «самый что ни на есть рядовой колхозник». М. Кузнецов увидел в авторской характеристике Капитона богатейшие возможности для типизации и обобщения. При всем своеобразии и оригинальности характера его Капитон — явление типичное для нашего времени, воплощение народной мудрости и строгости, справедливости и деликатности. Родом из Сибири, М. Куз-

нецов великолепно знает сибиряков, их характер, всю неброскую их красоту. Пожалуй, единственного из всех, Капитона нельзя переселить ни на Украину, ни на Кавказ, ни в Центральную Россию. Это поистине сибирский мужичок, крутой и крепкий, как орех, — сразу не разгрызешь, не заглянешь внутрь. И говорит он так, как только в Сибири и умеют, — неторопливо, певуче, с круглым упругим «о», и смеется хоть и не часто, зато раскатисто, во всю ширь...

Но не эти этнографические, пусть очень точные, приметы делают работу Кузнецова произведением искусства. В основе образа лежит идея гуманизма и доброты человека труда, мысль о готовности верить людям и платить сторицей за добро. И, любясь Капитоном, осуждая его и страдая с ним, мы ясно читаем все, что происходит в нем, видим, почему он говорит и делает то или иное.

Кузнецов достоверен не только в психологическом анализе характера, но и в мелочах, если точный грим, костюм, деталь можно назвать мелочью. Вспоминается его дед Щукарь. Вспоминается, как он ходит, старательно и браво на людях и мелко семеня на старческих, негнувшихся ногах, когда никто не видит этого; вспоминаются его узловатые, скрюченные ревматизмом пальцы, которыми он перематывает портянки, произнося свой знаменитый монолог о том, «что душонка-то поистерпалась за долгую жизнь».

Щукарь у Кузнецова — это образ большой трагедийной силы, и вместе с тем он полон оптимизма, веры в то, что все идет, как нужно.

Внутренний камертон актера необычайно чутко и точен. Вспоминается председатель укома из «Шторма» — прекрасный в своей вдохновенной и наивной уверенности в завтрашней мировой революции, потому как «куда же ей деваться?..». Вспоминаю старого врача Женихова в спектакле «Не родись счастливым», его честное признание в собственной слабости и его последнюю попытку быть мужественным и сильным. И вновь восхищаясь внутренним глубоким тактом артиста, его умением найти главное в характере. Или одна из последних работ: поручик Астафьев в спектакле «Затянувшаяся командировка». Сын белого эмигранта, «русский из Бордо», обманутый, опустошенный, но сохранивший совесть, он в минуту трагического прозрения кончает с собой, и этот мучительный предсмертный монолог заставляет тоскливо сжиматься сердце.

Еще звучала в ушах необычная, с легким наметком на акцент речь эмигранта Астафьева, еще виделся его страдающие затравленные глаза, а тут новый спектакль — «Крестьянка из Хетафе» и весельчак, умница, искрящийся оптимизмом, излучающий юмор, поющий, приплясывающий слуга Лопе. И Кузнецов стал со вчерашнего вечера вроде ниже ростом, весь округлился, заплыл жирком. Непостижимо!

— Играть характеры не только современные, но

и ушедшие в прошлое с позиций современности — это значит выявлять в них то, что наиболее дорого или ненавистно нам в этих характерах сегодня, и выделять это, не разрушая естественного соотношения качеств, свойственных этим людям, — сказал как-то Михаил Прокопьевич. По-видимому, это и есть тот «кузнецовский» почерк, которым «написаны» его большие и малые роли.

...Три с половиной десятилетия назад Михаил Кузнецов пришел в только что организованный на Горьковском автозаводе театр рабочей молодежи — ТРАМ. Трамвайцы очень быстро завоевали популярность в городе и на заводе, и вскоре группа энтузиастов, сделавших искусство целью своей жизни, стала ядром нового профессионального театра. Над молодым коллективом взяли шефство вахтанговцы, артисты из Горького приезжали в Москву, слушали лекции крупнейших мастеров сцены, режиссеры-вахтанговцы ставили спектакли в Горьком.

Здесь прошла сценическая юность Кузнецова, отсюда унес он заповедь: «Все — заново!» Здесь научился он поверять жизнью духовное состояние образа, логику поступков, мышления, политическую, социальную оценку. В этом театре, четверть века назад, он впервые сыграл роль Ленина в пьесе Бориса Горбатова «Юность отцов». Здесь началась большая работа над образом, которая продолжается и поныне и которая стала главным делом его жизни.

Лениниана Кузнецова — это прежде всего поиск своего пути в раскрытии характера вождя революции, поиск точных средств для передачи масштабности этого характера. Документы, воспоминания, записи ленинских речей, встречи с теми, кто лично знал Ильича, изучение ленинской жизни и его трудов, поездки по ленинским местам и музеям — разве без этой огромной исследовательской работы смог бы актер воссоздать образ гениального мыслителя и самого человеческого человека, который до него был сыгран выдающимися мастерами театра, сыграть по-своему, не копируя прославленных исполнителей, не подражая им.

В год Победы Кузнецову поручают роль Ленина в «Кремлевских курантах», а следующая работа — «Семья». И, может быть, потому, что Кузнецов уже играл Ленина в «Юности отцов» и «Кремлевских курантах», его Володя Ульянов был особенно интересен. 16-летний Володя горяч, он спорщик, хочет все понять, докопаться до причин. Он, как ртуть, весь в движении, но в нем уже угадываются черты будущего вождя, и в голосе его звучит та самая ирония, которая разила врагов наповал. В последних эпизодах пьесы Владимир Ильич — уже закаленный испытаниями революционер. Это ощущается во внутреннем ритме, напряженном, ускоренном. Каждая секунда ему необычайно важна и дорога, сейчас главное — время, которое работает на революцию.

Когда в Ставропольском театре приняли к по-

становке «Именем революции» М. Шатрова и роль Ленина поручили Михаилу Прокопьевичу, он взволновался: как сделать, чтобы не повторить сыгранное? И актер читает ленинские статьи, и письма тех лет, воспоминания и дневники. Подолгу просиживает перед зеркалом, совершенствуя грим, добиваясь максимального портретного сходства.

Уже в следующем спектакле — «Цветы живые» артист попытался не только раскрыть глубочайший интеллект, душевную чуткость и человеческое обаяние Ильича, но и показать его как мыслителя. Через год после «Цветов живых» состоялась премьера «Третьей, патетической». «Политик до мозга костей» и самый человеческий человек — вот суть погостинского решения образа. Это и взял за основу артист. «Прост, как правда», мудр и принципиален, человек неистощимого жизнелюбия и энергии, в котором сочетаются страстность и логика, деликатность и непримиримость, интеллигентность и народность — таков Ленин в этом спектакле. Актер ведет себя просто и свободно, и оттого, что он слушает партнеров, ни на минуту не отрываясь от них, не стремясь быть в центре внимания, оттого, что мизансцены его свободны и, как бы рождены тут же, на глазах зрителей, оттого, что в его поведении нет ни капли парадности, — образ Ленина так достоверен и правдив.

И вот «Шестое июля» М. Шатрова — новый шаг вперед. Ленин в исполнении Кузнецова предельно лаконичен во всех внешних проявлениях и, как никогда прежде, глубок по внутренней линии, по мысли. Актеру удалось передать сам образ ленинского мышления — ступени, по которым ленинская мысль идет от анализа к обобщению и выводам, от факта к явлению и дальше — к законам развития общества.

Театральная Лениниана Кузнецова — это годы и годы непрерывной работы над воплощением бессмертного образа. Бывало, что сценическая задача решалась несколькими внешними средствами, иногда не хватало масштабности, иногда превалировали «бытовые» детали, но это был путь роста, путь к тому многогранному и яркому образу Ильича, который он создал в фильме Л. Кулиджанова «Синяя тетрадь».

Огромная человеческая правда лежит в основе образа. Правда и глубокое понимание обстановки, внутреннего состояния Ильича. Мы смотрим на Ленина, будничного, простого, совсем не парадного, слышим спокойный голос, андим, как ловко чистит он картошку, как улыбается, разговаривая с Колей Емельяновым, как сосредоточенно и увлеченно пишет, сидя на пенке перед круглым чурбаном, и безоговорочно верим актеру. Как будто это вовсе не художественный фильм, а документальные кадры кинохроники.

Смотришь фильм, и тебя захватывают не внешние события — их мало, а динамика мысли, напряженной, неустанной ленинской мысли о путях

революции, о стратегии и тактике пролетариата. Вскоре после выхода фильма М. Фофанова писала: «На экране я увидела живого Ильича — великого мыслителя и вместе с тем человека простого и деликатного, человека могучего интеллекта и отзывчивого сердца... М. Кузнецову удалось создать самое главное — эту цельность ленинской натуры».

Спустя почти четверть века Кузнецов вновь возвращается к «Кремлевским курантам», и вновь щедро и ярко раскрылся талант актера. Сейчас, спустя много лет после первого прочтения этой роли, образ углубился, стал еще более масштабным. Теперь Ленин в исполнении Кузнецова не только горячий мечтатель, а ученый, революционный оптимизм которого зиждется на глубоком знании законов развития общества. Ленинская вера в человека, ленинская мгновенная реакция на происходящее, ленинский азарт творчества, энергия, эмоциональность, страстность и масштабность ленинской мысли удивительно полно раскрываются актером, широко и щедро отдающим нам, зрителям, свое вдохновение, глубокую искренность и убежденность. И наши сердца открываются а такие минуты навстречу человеку, который дает нам высокую радость, силой своего таланта и разума оживляя на сцене бессмертный ленинский образ.

Маргарита САЕНКО.